

УДК 341.1

Де Суремин Юг

член коллегии адвокатов Парижа
при Кассационном суде Франции
(Франция, г. Париж)

De Surremain Hugues

Member of Paris Bar Council
at The French Court of Cassation
(France, Paris)

**КОНСТРУКЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВА
КАК ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕСУРСОВ ЕВРОПЕЙСКОГО
СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ТЕМИ, КТО В НЕГО ОБРАТИЛСЯ**

**FRENCH PENAL LAW
STRUCTURES AS AN EXAMPLE
OF USING THE EUROPEAN
COURT OF HUMAN RIGHTS
OPPORTUNITIES
BY THE APPLICANTS**

Аннотация

Статья посвящена развитию пенитенциарного права Франции под влиянием решений Европейского суда по правам человека, а также вкладу, сделанному высшим административным судом – Государственным Советом Франции – в это развитие. Анализируются проблемы защиты прав заключенных, проблемы доступа их к суду, реальность применения закона в тюрьме.

Ключевые слова: пенитенциарное (тюремное) право; права человека; права заключенных; Европейский суд по правам человека; доступ к суду.

Abstract

The article is devoted to the development of Penal Law in France influenced by the European Court of Human Rights decisions. *France's Council of State* – the Supreme Court for administrative justice has also contributed to the French Prison Rules development. The author analyzes the problems of the rights of prisoners, the difficulties of their access to a court, realities of law enforcement in prisons.

Key words: Penal (Prison) Law, human rights, the rights of prisoners, European Court of Human Rights, access to a court.

Французское право применительно к тюремному заключению¹ специфическим образом реализует требования Европейского суда по правам человека², выдвинутые Страсбургским судом: эта область строится в первую очередь на основе конвенции и под непосредственным влиянием решений Европейского суда по правам человека³. Трансформация произошла в очень непродолжительное время – схематично, в течение десятилетия 2000–2010 гг. По примеру того, что произошло в США, где именно федеральный судья разработал нормы права заключенных

Перевод с французского языка В. Д. Бурковой.

¹ Термин «заключенный» используется как по отношению к лицам, находящимся в ожидании суда, так и к осужденным к тюремному заключению; «тюрьма» – это общий термин для пенитенциарных учреждений.

² Необходимо еще указать, что это верно только для законов, регулирующих «внутренней правовой статус» задержанного, который определяет условия для осуществления прав заключенными и задачи по их реализации со стороны администрации. «Внешний правовой статус», относящийся к досрочному освобождению, получил собственное развитие, являясь, напротив, результатом деятельности законодателей, и даже Кассационного суда.

³ Так заявил вице-президент Государственного Совета в своем выступлении по вопросу *Принципа субсидиарности и Европейской защиты прав человека* (19 апреля 2010 года).

«с вниманием к деталям в выдвинутых им требованиях, которые обычно не входят в обязанность судьи» [1], формирование пенитенциарного права происходило постепенно на базе судебной практики, а точнее, путем диалога между ассоциациями, и в первую очередь между Международным объединением наблюдения за тюрьмами (ОИР) и административными судами. Один из председателей Государственного Совета (Высший административный суд) получил таким образом возможность проанализировать деятельность ОИР по судебному разрешению споров как «коллективные действия на французский манер (которые позволили одной группе вывести из неправового поля некоторые категории лиц» [2]. Осуществляя свою правотворческую роль по мере рассмотрения дел, судья не отменил существующее право в процессе замены его на новое. Отношения между пенитенциарным правом и европейским правом следует понимать как исходящую из диахронной и предполагаемой точки зрения, поскольку динамика признания прав поддерживается в настоящее время с помощью хорошо организованной судебной практики. Вместе с тем достигнутый прогресс явился столь впечатляющим потому, что предыдущее право было архаичным. Традиционный императив эффективности прав предполагает изучение реальности их применения в повседневной жизни в тюрьме, что делает выводы менее комплиментарными.

I. Создание специфического поля судебных разбирательств со ссылкой на Европейский суд по правам человека

А. Быстрое изменение статуса задержанного гражданина наделением всеобщими правами

В начале 2000-х годов пенитенциарное право во Франции находилось еще в зачаточном состоянии. Функционирование учреждений регулировалось нормативными актами, выработанными самой администрацией. Судебная практика состояла из нескольких редких постановлений, в основном подтверждающих установку, что решения, принятые в отношении задержанных, не могут быть оспорены в суде. В более широком смысле, вопрос о тюрьмах не представлял собой сколько-нибудь значительного политического или социального значения. Ряд событий взорвал конфигурацию правовых представлений о тюрьме, что побудило заключенных и их защитников к тому, чтобы обращаться не непосредственно в Европейский суд по правам человека (в случае отсутствия эффективных средств правовой защиты), а в национальный суд с тем, чтобы развивать национальное законодательство. Вследствие функционального сбоя судебной системы верховный судья был облечен миссией улучшения независимого контроля положения в тюрьмах. Его доклад в марте 2000 г. [3] описывает пенитенциарное право как «право подчиненное»: нормативные акты подчинены потребностям администрации (безопасность, правопорядок) в осуществлении фундаментальных прав, оно является источником норм более низкого ранга (в основном циркуляров), к тому же разрозненных. Тюремная норма, следовательно, не является ни «допустимой», ни «предсказуемой», как того требует европейская судебная практика. Он призывает создать пенитенциарное право, закрепляющее гармоничный свод норм, гарантирующих совокупность прав, связанных с гражданским статусом заключенного, за исключением тех, которых он был лишен по решению судьи. Два парламентских комитета по расследованию последовали его примеру в июне 2000 года, критикуя консерватизм административного судьи, который «способствовал тому, что тюрьма превратилась в царство произвола» (Национальная Ассамблея, 2000 г.). Столкнувшись с политическими проволочками, действующие лица склонны полагаться на судью, ссылаясь на европейское право.

Б. Успехи судебной практики под давлением Страсбурга

Таким образом, именно административный судья оказался на переднем крае решения проблем в местах лишения свободы. Еще одно обстоятельство сыграло в

пользу сближения французской и европейской судебной практики: ослабла напряженность между Государственным Советом и Европейским судом по правам человека, поскольку первый, наконец, признал силу судебных решений последнего⁴. Также Государственный Совет в какой-то момент попытался предвосхитить решения Страсбургского суда, в частности в области права на эффективное средство правовой защиты. В 2003 году он согласился следить за помещением в изолятор как средством обеспечения безопасности, в 2007-м – за трансфером между учреждениями разных категорий и отправлением в отставку, в 2008-м – за превентивным размещением (неотложным) в местах лишения свободы или изоляцией, в 2009-м – за отбором ряда задержанных для усиленного надзора. В 2007 г. он обратил особое внимание на то, что возможность обратиться в суд должна существовать всегда, когда речь заходит о фундаментальных правах, даже если это входит в категорию решений, в принципе не зависящих от судьбы. К этим процедурным новшествам добавляются и другие из области материального права. Так, из постановления от 2008 года, которым Госссовет признает 1) что цель социальной реинтеграции осужденного может явиться основанием для обращения задержанного за поддержкой в суд; 2) что право на уважение к частной жизни (ст. 8 Европейского суда по правам человека) включает в себя нравственную неприкосновенность задержанных, которая, таким образом, охраняется, даже если инкриминируемое воздействие не достигает степени унижающего достоинство обращения (ст. 3 Европейского суда по правам человека). Другое постановление 2008 года требует, чтобы применение обыска с раздеванием было оправдано конкретными обстоятельствами.

Эта модернизация не позволила Франции избежать ряда обвинений со стороны Страсбурга в последнее время: физические условия в камерах тюрем и неэффективность использования дисциплинарных мер воздействия, ношение наручников во время транспортировки в больницу, нагромождение мер безопасности, считающихся негуманными, частые и необоснованные обыски с раздеванием, устаревшие и переполненные камеры и т. д., привели к тому, что были констатированы нарушения ст. 3 и 13 Европейского суда по правам человека. Эти констатации, безусловно, помогли поддержать относительно динамичное развитие пенитенциарного права. Европейские постановления об обысках и других мерах безопасности (изоляция, постоянные трансферы, наручники и кандалы), бесспорно, определили направление последующих решений национальных судов. Это сближение юридических систем далеко еще не стерло недостатков нашего законодательства. По-прежнему нет реальных возможностей для безотлагательного рассмотрения дисциплинарных мер и изоляции – случаев очень неблагоприятных судебных решений. Как признается вице-президент Государственного Совета, *«если возможно и даже вероятно, что после выхода на впечатляющий уровень в последние годы Европейская и национальная судебная практики сближаются в формах зрелых и очень стабильных, то пенитенциарное право, вероятно, останется на некоторое время в процессе строительства»* [4].

II. Требование эффективности прав, слишком слабо учитываемых судьей

A. Право, находящееся вдалеке от тюремных реалий

Европейский суд по правам человека постоянно говорит, что защищаемые права должны быть *«не теоретическими или иллюзорными, а конкретными и эффективными»*. С этой точки зрения, кроме все еще практикуемых судебных решений, противоречащих европейскому законодательству, реальным препятствием

⁴ Вопрос, вызвавший особенные трения по отношению к применимости ст. 6–1 Европейского суда по правам человека административными властями, когда они налагают санкции, относящиеся к гражданскому или уголовному праву.

для осуществления прав является игнорирование фактов слабости юридических ресурсов и изоляции заключенных. Короче говоря: громкие постановления редко сопровождаются последовательным их применением, а когда это так, то кажется, что какая-либо ассоциация приложила к этому соответствующие усилия. Отчасти это связано со сложностью рассуждений судьи, что делает их весьма туманными. Это относится также к процедурам в условиях чрезвычайной защиты фундаментальных прав, тексты которых сравнимы с византийскими: судье часто приходится отвечать, что он действовал на неверной основе, что оказывает сдерживающий эффект или лишает действия объекта. Это связано также с отсутствием указаний со стороны судов высших инстанций в адрес судов низшей инстанции, чтобы они могли учитывать слабость правовых ресурсов заявителей и трудность получения доказательств в заключении. Судья не закрепил механизма презумпции, что позволило бы преодолеть структурные трудности заявителей при сохранении прав администрации. В конечном счете, ресурсы права, в том виде, в каком они задуманы судебной практикой Европейского суда по правам человека, фактически трудно мобилизовать.

Б. Процедурализация прав с обратной силой действия с целью защиты

В свете прецедентного права функция защиты, кажется, совпадает с общим стандартом, ранее призванным прописать в безличной манере любые формы неприемлемого нарушения со стороны судьи, чье вмешательство ожидается *aposteriori*, и от дела к делу положить конец нарушениям. Таким образом, для изоляции заключенных, длительность которой не ограничена, что считалось законным, судебный контроль в отдельных случаях был квалифицирован как «лучшая из гарантий». Мы находим ту же тенденцию в процедурализации прав в европейской юриспруденции. Сигналов со стороны Европейского суда по правам человека в области процессуальных гарантий больше не слышно в технике пилотных/подобных пилотным постановлений. Приведенная в действие фактором переполненности тюрем, она побуждает Суд требовать от государства создания эффективных средств правовой защиты, предназначенных для решения выявленной структурной или системной проблемы. Если обращение в перегруженный суд с вопросом о недостатке свежего воздуха и о возложении на государства последствий этого недостатка понятно и законно, то представляется нерациональным возлагать на плечи заключенных тяжесть проблемы воздействия на государства с целью решения эндемичных проблем.

В обоих случаях (французском и европейском) вопрос об обоснованности установления связи между защитой прав в судебном порядке и их реализацией в повседневной жизни в тюрьме должен быть подвергнут сомнению. Образ эффективного заключенного, способного рефлексировать и встать на наиболее подходящий правовой путь или даже правильно синтезировать те возможности, что ему открыты, выглядит довольно неубедительно. Впрочем, колебания в методах Европейского суда от контроля, непосредственно связанного с правами, в данном случае – к исследованию целесообразности характера национальных судов, еще больше повышает требования к заявителям. В этом контексте необходимо развивать обмена между социологами и юристами, чтобы лучше понять возможность применения закона в тюрьме и найти способы реализации права доступа к судам. Также необходимо облегчить циркуляцию между государствами правовых самых защищающих норм в целях обеспечения соблюдения требования «качества закона». Это и есть цель *Европейской сети для исследований и деятельности в пенитенциарной сфере*, которая начала свою работу в 2014 году в 10 государствах Европейского союза.

Литература

1. Де Шуттер О. Роль судьи в пенитенциарной революции в Соединенных Штатах // Камински Д., Де Шуттер О. Институт пенитенциарного права. – Париж : LGDJ, 2002.
2. Женева Б. Ле Гисти: истец по привычке? Видение Государственного Совета // Защищать дела иностранцев в суде. – Париж : GISTI, 2008.
3. Улучшение внешнего контроля пенитенциарных учреждений : доклад министра юстиции. – 2000. – Март.
4. Контроль тюремной администрации административным судьей. – Университет Лилль II, 2008.